
Н. В. ШЛЫГИНА

ЖИЛИЩЕ ЭСТОНСКИХ КРЕСТЬЯН В ПЕРИОД БУРЖУАЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Переход эстонского крестьянства к социалистической системе хозяйства явился подлинной революцией, коренным образом изменившей все стороны крестьянского быта. В связи с этим наступил период полной перестройки крестьянского жилища в Эстонской ССР.

Сведéние однодворных эстонских поселений в колхозные поселки с необходимостью диктуется хозяйственными, культурными и другими потребностями колхозов, и это приведет практически почти к полной смене жилого фонда, унаследованного от периода буржуазной диктатуры, а часто от еще более отдаленного времени.

Изучение этого фонда дает не только интересные материалы об использовании его в настоящее время, в условиях колхозного строя, но и позволяет воссоздать общую картину крестьянского жилища в период буржуазной республики.

Жилище это было весьма разнообразно как по возрасту, так и по типам построек. Статистические материалы о возрасте крестьянских жилых домов в настоящее время очень скудны. Наиболее полные сведения об этом имеются в сельскохозяйственных переписях, проведенных в Эстонии в 1929 и 1939 годах¹. Однако эти переписи далеко не отражают подлинного положения в эстонской деревне. Переписи и обработка полученных в результате их материалов проводились таким образом, чтобы представить положение Эстонии более благоприятным, чем оно было на самом деле. Так, например, по интересующему нас сейчас вопросу о жилом фонде данные собирались не по всем дворам, а лишь по тем, которые попадали под весьма искусственное понятие «talund», т. е. «хозяйство», «ферма», «хутор» (Betrieb, exploitation). Под этим термином подразумевалось нечто, обладавшее, по мысли буржуазных статистиков, хозяйственной самостоятельностью. При этом дворы беднейшего крестьянства, батраков и других категорий сельского населения, имевших менее гектара земли, вообще не учитывались переписью; между тем они составляли значительную прослойку сельского населения, в которой насчитывалось тогда до 50 000 дворов².

Таким образом, приводимая ниже таблица, составленная нами по данным переписей 1929 и 1939 гг., может быть использована лишь для некоторых обобщений и не претендует на точность указанных в ней цифр.

Постройки, возведенные до 1900 г., при переписи объединялись в одну группу, которая охватывала около половины всех домов. Хотя переписи не дают нам более точных сведений о времени постройки этой

¹ Данные по переписи 1929 г. взяты из книги «1929—aasta pollumajandusliku põimeskirjutuse andmed», Tallinn, 1930 по переписи 1939 г.— из материалов сельскохозяйственной переписи 1939 г., хранящихся в Центральном государственном архиве Эстонской ССР.

² А. Ф. Sotsialfashistide uus äraandamine, Klassivõitlus, 1932, № 141—142.

части жилищ, мы можем утверждать, что большинство их возведено во второй половине XIX в., когда наблюдалось известное оживление крестьянского строительства, связанное с выкупом крестьянами земли у помещиков, который начинается с 1860-х годов. Вследствие того, что южные — культивировавшие лен — районы Эстонии (входившие в Лифляндскую губ.) обгоняли по темпам развития капитализма северные

Таблица 1

Годы постройки жилых домов в хозяйствах (talund)

Годы постройки	До 1900	1900—1918	1919—1923	1924—1929	1930—1934	1935—1939
Число жилых домов в %	45,8	10,4	7,7	18,3	9,8	8,0

районы, выкуп земель там шел гораздо активнее. Наибольшее число покупок земельных участков падает в южных уездах на 1870—1880-е годы. В эти же годы здесь развивалось и крестьянское строительство. Северная часть Эстонии, где скудость почв вынуждала крестьян заниматься в основном разведением картофеля, отставала от южных районов по уровню экономического развития и по степени дифференциации крестьянства. Здесь выкуп земли шел медленнее, и наибольшее число выкупов пришлось на 1890-е годы. Значительная часть крестьян северной Эстонии так и не смогла приобрести землю и вплоть до Октябрьской революции оставалась на положении арендаторов. Арендаторы являлись лишь временными обитателями своего жилища, их пребывание ограничивалось сроком контракта и, разумеется, они не тратили средств на его улучшение или перестройку. Лишь становясь собственником участка, крестьянин стремился обзавестись собственным жилищем. Заново строились, однако, только зажиточные крестьяне, а собственники победнее старались отремонтировать и как-нибудь улучшить старое жилище.

Второй период оживления строительства приходится на конец 1920—начало 1930-х годов, когда строились в основном крестьяне, получившие землю по буржуазной аграрной «реформе» 1920—1922 гг.

«Возраст» построек в большой мере зависел от зажиточности их владельцев. Крестьяне среднего достатка, как правило, строились заново лишь тогда, когда старое жилище окончательно приходило в негодность. Кулаки часто возводили новые постройки, когда старые были еще вполне пригодны для использования. Беднейшие крестьяне в силу необходимости вынуждены были отказываться от замены обветшалых строений и ограничивались лишь самым неотложным ремонтом. Поэтому именно среди жилищ бывшей сельской бедноты чаще встречаются старые постройки, нередко сохранившие целый ряд примитивных черт.

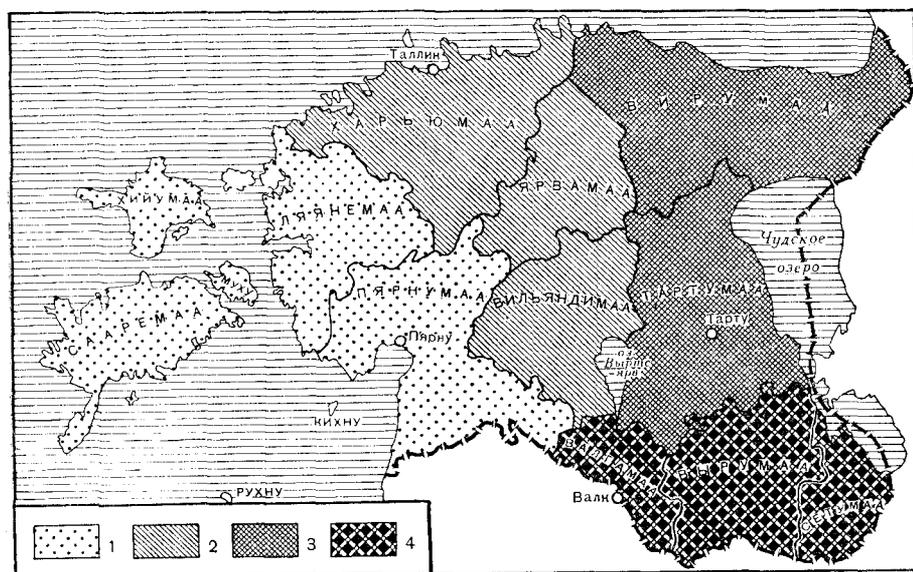
Различие между крестьянскими жилищами в описываемый период наблюдается и в типах жилых построек. В эстонской деревне буржуазного периода, имелось два основных типа жилища: один, связанный в той или иной степени с традиционной жилой ригой и сохранявший принцип соединения жилых и хозяйственных помещений под одной крышей; другой — «городской», когда жилище состояло только из жилых комнат, построенных отдельно от хозяйственных помещений.

Жилая рига, которая была господствующей формой жилища в феодальный период, состояла из трех частей: риги — единственного отапливаемого помещения, гумна и каморы. В 1920—1930-х годах жилых риг в такой форме почти не сохранилось, но домов, в которых рига используется как хозяйственное помещение или как кухня-столовая, и сейчас

встречается немало. Жильем в этих домах служит каморная часть, развившаяся в несколько комнат.

Относительно числа домов, соединенных с хозяйственными постройками под одной крышей, и домов «городского» типа имеются некоторые статистические данные, которые, разумеется, далеки от точности и могут привлекаться лишь для весьма суммарной оценки положения вещей. Как видно из данных табл. 2, в «хозяйствах» (*talund*), учтенных переписью, примерно половина домов — 52,9% — не имела хозяйственных построек под одной крышей с жильем.

Схематическая карта показывает, что процент домов, построенных отдельно от риги, повышается с запада на восток; выше всего он на юге и

Распространение жилищ, стоящих отдельно от хозяйственных построек, по данным переписи 1939 г., в % от общего числа жилищ на данной территории: 1—25—40%; 2—41—50%; 3—51—60%; 4—78—86%

юго-востоке. Традиционное жилище более всего сохраняется на острове Сааремаа, в Ляянемаа и Пярнумаа; в центральных районах около половины домов городского типа; в Вирумаа и Тартумаа их уже более половины, а в Валгамаа, Вырумаа и Сетумаа — свыше трех четвертей. Что касается Сетумаа, то здесь высокий процент отдельно стоящих домов (82,2%) объясняется тем, что у сету господствовало жилище белорусского типа, двух- или трехраздельное; это хорошо видно по графам табл. 2, показывающим число помещений в доме.

В Вирумаа процент «городских домов» повысился также за счет жилищ смешанного эстони-русского населения района Ийсаку и пограничных с РСФСР районов; на остальной территории уезда процент домов «городского» типа ниже. То же и в Тартумаа, где не выделяли отдельно жилых домов русского населения, жившего по побережью Чудского озера.

Надо оговорить то обстоятельство, что и в других уездах Эстонской ССР распределение жилищ различных типов не было равномерным. Так, например, в Пярнуском и Вильяндиском уездах дома с традиционным планом концентрировались в северных частях уездов, а к югу количество их убывало; особенно это заметно в Пярнумаа. В Харьуском уезде дома «городского» типа преобладали около Таллина, а в Тургуском — около Тарту.

Отметим также, что рыбацьи дома прибрежных районов попадали в разряд «отдельно стоящих домов», так же как повсеместно встречавшиеся «сауны» безземельных (см. ниже).

Таблица 2

Характеристика жилых домов по уездам (по данным 1939 г.)

Уезды	Общее число до- мов	Число домов, по- строенных отдель- но от хоз. по- мещений	Процент их от об- щего числа домов	Процент хозяйств, имеющих в домах жилые комнаты в количестве							
				1	2	3	4	5	6	7	Свыше 7
Вирумаа . . .	18 711	11 100	59,3	6,6	25,0	32,2	24,9	5,9	2,6	1,0	1,8
Ярвамаа . . .	9 140	4 165	45,6	3,2	18,2	26,7	34,6	8,8	4,2	1,6	2,7
Харьюмаа . . .	16 235	7 241	44,6	4,7	22,7	31,7	25,5	7,5	3,7	1,5	2,7
Ляянемаа . . .	13 412	4 988	37,2	4,8	24,4	30,8	23,5	9,4	3,8	1,5	1,8
Сааремаа . . .	10 871	2 791	25,7	3,6	19,6	28,6	27,0	13,7	5,1	1,5	0,9
Пярнумаа . . .	11 787	4 486	38,1	4,5	20,4	28,5	26,0	9,6	5,6	2,5	2,9
Вильяндимаа . . .	11 685	5 191	44,4	3,1	15,9	22,6	34,3	12,4	6,2	2,5	3,0
Тартумаа . . .	20 954	11 407	54,4	3,9	21,4	28,2	30,2	8,3	3,9	1,6	2,5
Валгамаа . . .	4 599	3 922	85,3	3,9	14,0	25,7	32,9	11,6	6,3	2,4	3,2
Вырумаа . . .	13 516	10 623	78,6	8,9	24,4	30,0	23,0	7,7	3,2	1,4	1,4
Сетумаа . . .	11 603	9 532	82,2	53,7	29,4	9,3	4,4	1,3	0,7	0,2	0,4
По всем уездам	142 513	75 446	52,9	8,9	22,1	27,5	25,6	8,4	3,9	1,5	2,1

Рассматривая дома, сохранившие традиционный план, мы можем отметить определенные различия в жилище северных и северо-западных районов, с одной стороны, и южных — с другой. На севере крестьяне-арендаторы (а здесь арендаторы преобладали до 1917 г.), избегая по мере возможности коренной перестройки дома, стремились улучшать свои дома с наименьшими затратами. К печи риги пристраивалась плита, в каморах ставились печи голландского типа. Рига оборудовалась, таким образом, под кухню-столовую, каморы — под спальни и парадную комнату. Такого типа дома встречаются особенно часто в Лихула, Михкли, Ханила, Ярва-Яани и некоторых других районах. Дома этого же типа строились крестьянами нередко и в XX в., когда с распространением молотилок необходимость в риге в основном отпала. Ригу в таких домах не строили. В центре их помещалась кухня, по одну сторону ее — камора, по другую — хлев, сменивший гумно. Такие дома нередко строились помещиками для арендаторов; они характерны, например, для бывших поместий баронов Икскюлей в Ляянемаа.

Такой же тип жилища встречается часто и у «азуников» («новопоселенцев»), получивших землю в 1920-годах. При постройке они должны были использовать стандартные проекты и строго придерживаться правительственных технических предписаний (иначе азуникам не выдавали ссуд), но проекты создавались разных типов, и характерно, что очень часто азуники выбирали именно те, которые сохраняли черты традиционной планировки жилища. Едва ли не решающей причиной такого выбора было также то, что постройка ряда жилых и хозяйственных помещений под одной крышей создавала экономию средств и строительных материалов.

В сумме эти разновременные, но однотипные постройки, сохранявшие черты старого традиционного жилища и являвшиеся дальнейшим разви-

тием жилой риги, составляли большую часть жилищ в бывшей Эстляндской губернии.

В южной части Эстонии, даже если исключить районы с сетуским населением, домов с традиционным планом все же меньше половины. Старые риги здесь можно встретить обычно в прежнем, неперестроенном виде. Они служат складом для старого инвентаря, утвари и т. п. Жилой частью в таких домах являются каморы, развившиеся в 3—4 комнаты, одна из которых отведена под кухню. По времени постройки подобные дома относятся обычно к концу XIX в.; нередко рига много старше, чем каморная часть. Такие дома можно встретить в районах Пыльтсамаа, Халлисте, Холстре, Қаркси-Нуяя и других. Есть на юге дома и более поздней постройки с жильем и хлевом под одной крышей. Это преимущественно дома азуников.

Домов «городского» типа на юге не только несколько больше (особенно в Валгмааа), но и появились они раньше, видимо уже — в 1870-х годах³. Первоначально они строились преимущественно зажиточной верхушкой крестьянства, но в XX в., особенно в годы буржуазной республики, когда дома «городского» типа широко распространились по Эстонии, их стали строить также середняки и бедняки. Особенно часто встречаются такие дома около городов. Однако разница между кулацким и бедняцким домами подобного типа сразу бросается в глаза. Первый — большой, иногда двухэтажный или с мезонином, состоит из 7—8 больших помещений, имеет 1—2 террасы и т. д.; бедняцкий дом обычно разгорожен на 1—2 комнаты и кухню и в 3—4 раза меньше кулацкого.

В эстонской деревне периода буржуазной республики различие между жилищем отдельных социальных слоев крестьянства было очень заметным.

Крестьянство в эстонской деревне не было однородным и в феодальный период. Особенности феодализма, система эксплуатации местного населения немецкими помещиками⁴ обусловили очень раннее расслоение крестьянства, появление значительного (составлявшего до одной трети всего населения) числа безземельных крестьян, батрачивших в помещичьих или крестьянских хозяйствах за натуральную и денежную оплату или за пользование клочком земли. Но хотя в феодальный период различие в уровне зажиточности основной массы крестьян-дворохозяев и было значительным, оно еще слабо отражалось на внешних сторонах крестьянского быта: жилище, одежде и т. п. Во-первых, крестьянин старался скрыть свои достатки, опасаясь увеличения повинностей или арендной платы. Во-вторых, как уже говорилось выше, он был лишь временным обитателем дома и, естественно, занимался улучшением жилища лишь в силу необходимости; с выкупом крестьянских земель в собственность становится заметна разница между домами собственников и арендаторов, которая неоднократно отмечалась в периодической печати того времени. Лишь с развитием капиталистических отношений, когда правовое отношение к земле (аренда, собственность) перестало совпадать со степенью зажиточности и крестьянство резко распалось на кулаков, бедняков и середняков, разница в положении и уровне благосостояния этих групп стала прямым образом отражаться на всем их быте, и, в частности, на жилище.

В табл. 3 обращают на себя внимание средние размеры жилища на крупных и на мелких участках. Если в кулацких хозяйствах размеры жилой площади достигают 693 м², то у владельцев мелких участков они составляют 51 м². Если в мелких хозяйствах преобладают дома в 2—3 комнаты (при этом надо учитывать, что часть бедняцких домов на

³ M. Weske, Der Kulturfortschritt im Leben der Esten. Vortrag, Tartu, 1874.

⁴ См. Eesti NSV ajalugu, т. I, ч. IV—VI, Tallinn, 1955.

участках до 1 га вообще не учитывалась), то в крупных — 33% домов имеют свыше 7 комнат и т. д.⁵

Интересно, что большой процент (63) отдельно построенных домов падает на малоземельные хозяйства с участком размером от 1 до 10 га. Жилище на этих участках по формальному признаку попадало в одну

Таблица 3

Сопоставление жилого фонда с размером земельного участка владельца
(на 1939 г.)

Размер земельного участка в га	Общее число домов	Число домов, построенных отдельно от хоз. помещений	Процент от общего числа домов	Размер жилой площади в м ² в среднем	Процент хозяйств, имеющих жилые комнаты в количестве							
					1	2	3	4	5	6	7	Свыше 7
1—5	20 513	13 279	64,7	51	21,6	32,1	23,6	14,8	3,5	1,8	0,8	1,8
5—10	23 125	14 381	62,2	55	16,2	28,8	23,6	20,0	3,5	1,4	0,6	0,9
10—20	39 962	22 420	56,1	65	6,9	23,1	30,8	28,6	6,6	2,4	0,7	0,9
20—30	26 051	12 590	48,3	78	3,7	17,9	29,0	31,9	10,7	4,1	1,5	1,5
30—50	23 516	9 316	39,6	93	2,1	13,5	26,1	29,7	15,0	7,7	2,4	3,0
50—100	7 891	3 079	39,0	126	2,4	12,6	19,7	24,8	16,5	10,9	5,6	7,5
Свыше 100	1 455	381	26,2	693	2,8	14,9	9,8	15,6	8,5	9,6	5,6	33,2

графу вместе с домами «городского» типа, фактически же оно представляло особый тип жилища — «саун». В эстонском языке слово «саун» имеет два значения. Во-первых, оно обозначает баню; во-вторых, — небольшой домик, построенный на земле богатого крестьянина или помещика и вместе с участком земли для огорода предоставленный в пользование безземельному за обработку. Очевидно, что первоначально безземельным отводили для жилья баню как единственное из подсобных помещений, которое обогревалось. Но саун-жилище баней в XIX—XX вв. в Эстонии уже, как правило, не являлось; по планировке саун-жилище представляло собой двухраздельную постройку, состоящую из курного жилого помещения и холодных сеней.

Апологеты буржуазной диктатуры в Эстонии утверждали, будто все «сауники» после буржуазной реформы получили землю и, таким образом, эта категория крестьянства якобы исчезла. В действительности после аграрной «реформы» сауники не только не исчезли, но, напротив, число их даже возросло. Именно у них сохранялись самые жалкие лачуги. В первые годы восстановления Советской власти саун было легко встретить, и на них всегда указывали как на самые старые и примитивные постройки. Например, на территории колхоза «Эду» (Ляянемаа, Кирбла) еще в 1949 г. было 6 курных саун.

Большая часть сельского пролетариата не имела своего жилья, а ютилась в батрацких домах или «половинах» хозяйского дома. В крупных кулацких дворах обычно имелся один или два домика для постоянных (обычно семейных) батраков. В этих помещениях батраки жили в тесноте, в антисанитарных условиях, лишённые самых элементарных бытовых удобств. По данным переписи 1939 г., в Эстонии насчитывалось свыше 15,5 тысяч помещений для наемных рабочих на хуторах. Если учесть,

⁵ Надо заметить, что статистические данные говорят о наличии некоторого количества многокомнатных домов на мелких земельных участках. В эту графу попали многокомнатные дома, в прошлом служившие жильем для помещичьих батраков и по реформе переданные азукикам. Частично попали туда и дома кулаков, которые сдавали всю землю в аренду, оставляя в личное пользование 3—4 га. Этих землевладельцев перепись включала в группу мелких (от 1 до 5 га).

что в каждом из них жило самое меньшее по одной батрацкой семье, а холостые батраки обычно не имели отдельного помещения, то общее число людей, лишенных собственного крова, окажется весьма значительным.

Сауники и мелкие земельные собственники жили в своем доме. У бедняков дома, как правило, находились в плохом состоянии и были очень невелики по размерам. Систематизировать их по форме не представляется возможным. Именно вследствие нищеты хозяев жилище бедняков утрачивало традиционные черты. Иногда под жильем использовались старые хлева, клетки и т. п. У одних были лачуги, состоявшие из одной каморки и кухни, у других встречались очень старые жилые риги, сохранявшие самые примитивные, давно, казалось бы, ушедшие в прошлое черты: крыши на столбах, волоковые окна, печи, топящиеся «по-черному», и т. д.

Наиболее разнообразным было жилище середняцкой части крестьян. Здесь сыграло свою роль то, что именно середняки представляли собой ту группу крестьян, которая ближе стояла к крестьянам феодального периода: это не были ни экспроприированные сельские пролетарии, ни живущие чужим трудом кулаки. Поэтому именно у середняков жилище дольше сохраняло традиционные черты. По середняцкому дому легче всего определить границы исчезающих локальных черт: форм печи, технических приемов и т. п.

В то же время, у середняков даже в пределах одной деревни можно было встретить жилища разных форм. Это прекрасно видно и теперь. Например, в колхозе имени 1-го Мая Сууре-Яниского района (сельсовет Выхма) одним из типичных домов является жилище во дворе Хендрику (в прошлом середняцкое хозяйство). Дом был построен в 1879 г. по традиционному плану, с ригой в центре. В 1930-х годах дом был перестроен, место риги заняла кухня, в конце дома пристроены каморы. Гумно осталось в прежнем виде. Сейчас хозяева используют как спальни две маленькие каморки около кухни, которая служит и столовой, и комнатой для работы. Кроме того, используется парадная комната, где принимают гостей, отдыхают, слушают радио. Две комнаты в конце дома пустуют.

Встречаются у середняков более бедные и более богатые дома. В буржуазный период разложение середняцкой части шло очень быстро. Это отражалось и на жилище. Та часть, которая «выбивалась в люди», имела и дома, сходные с кулацкими. Нередко середняк затевал постройку не по средствам, с целью показать свою зажиточность, получить кредит, повыгоднее выдать дочь замуж и т. п. (иногда в таких случаях дом так и оставался недостроенным). Другая часть середняков, с трудом сводившая концы с концами и разорявшаяся, имела более старые, меньшие и худшие жилища.

Зато жилища кулаков обычно можно было определить в деревне с одного взгляда. Двор кулака выделялся уже по количеству надворных построек, их размерам, качеству строительного материала и т. п. Кулацкие дома встречаются обоих упомянутых типов. Дома с ригой обычно построены в XIX в. Типичный кулацкий дом с ригой встречен нами в 1954 г. в Каркси-Нуяя (б. хутор Кякки). Характерен уже самый размер дома — около 300 м² (29,1 м × 10,5 м). В конце дома сохранилось гумно, в центре — старая рига. Рига прежде всего использовалась как рабочая комната: в ней по вечерам работали батраки и батрачки. Рядом с ригой находится кухня, куда ведет дверь; около двери прорублено окно. На его подоконник ставили лампу, чтобы осветить ригу; в это окно смотрел хозяин, проверяя, как работают батраки. За кухней находилась большая комната для батраков; маленький чуланчик за печью служил спальней для батрачек. Далее в доме было две комнаты для хозяев с отдельным входом.

Кулацкие дома, построенные в более позднее время, резко выделяют-

ся среди других домов своим «городским» видом: обычно они имеют мансарду или два, даже три этажа. Крыши их — вычурных форм, с фонарями, башенками и т. п. Дома украшены верандами, балкончиками. Нередко в их архитектуре чувствуется влияние модного в то время в городе стиля «модерн». Один из таких кулацких домов мы встретили в Хольстре (Вильянди) в 1948 г. почти таким, каким он был в буржуазный период. Через застекленное крыльцо дверь вела в хозяйскую половину. Первая комната была «парадной», «залой», вторая — столовой, третья — спальней. Наверху, на втором этаже, располагались комнаты для гостей. В комнатах были крашенные полы, обои с золотым багетом, стильная мебель и т. д. Вторую половину дома занимали батрацкая и кухня. Хотя с крыльца туда вела такая же дверь, как и в хозяйскую половину, открывшему ее казалось, что он попал в другой мир: неровный пол, вымощенный кирпичом; черные от дыма стены; деревянная ширма, отделявшая в общей комнате женщин от мужчин; круглая железная печь, которая обогревала все помещение.

Расслоение эстонского крестьянства отразилось также на том, какие технические приемы и какие строительные материалы употреблялись при возведении жилищ.

Основным материалом для постройки жилых домов было дерево. По данным переписи 1939 г., в эстонской деревне имелось 122 649 срубных и лишь 5 363 каменных домов и 771 глинобитный дом. Техника постройки деревянных домов, естественно, развивалась. В XIX в. срубы обычно ставили из неотесанных бревен, углы связывались при помощи двусторонних пазов, так что концы бревен выдавались за угол. Этот способ рубки назывался «ристнурк» (ristnurk), т. е. «крестовый угол», или «в крест». Пазы вынимались при помощи пилы. Хотя пила распространилась сравнительно поздно — в 1870-х годах, найти постройку, рубленную топором, сейчас почти невозможно.

С начала XX в. начали строить дома из бревен, обтесанных в брусья с квадратным сечением. Углы соединяют без заугольев при помощи пазов и зубьев различных форм. Такие углы называются «чистыми» или «русскими» (puhas venepurk). Особенно увеличилось число домов, рубленных из брусьев в «чистый угол» в период буржуазной республики, так как это было обязательным требованием технической регламентации, без соблюдения которой крестьянин не мог рассчитывать на кредит под постройку.

Дома, особенно жилые комнаты, часто обшиты тесом. Это являлось также признаком известной зажиточности хозяев. На побережье, где бывают сильные ветры, до сих пор широко распространены различные способы утеплять стены домов снаружи тростником или соломой.

Деревянные постройки теперь почти все имеют фундамент, который начали делать с конца XIX в. Однако настоящий углубленный фундамент имеется лишь у домов, построенных за последние 20 лет, или у домов кулаков. В более старых и небогатых домах преобладает подведенный фундамент, а некоторые бедняцкие дома построены совсем без фундамента (лишь под углы и столбы подложены камни). Для фундамента используется дикий камень; у построек, принадлежавших богатым крестьянам, фундамент кирпичный и цементированный.

Недостаток строительного леса стал ощущаться уже давно. В период буржуазной республики, в 1920-х годах, когда азуники возводили свои постройки, потребность в строительном материале была настолько велика, что фонды лесного хозяйства вообще не могли ее удовлетворить, не говоря о том, что цены на лес быстро росли и были недоступны основной массе крестьян⁶. Вследствие этого в печати велась усиленная кампания за

⁶ A. Venzel, Asunikude varustamine ehitusmaterjalidega minevikus ja tulevikus. Eesti metsanduse aastaraamat, II, Tartu, 1927, стр. 33—66.

употребление в качестве строительных материалов глины и камня. Однако глинобитные дома в сыром и холодном климате Эстонии не могли быть ни прочными, ни долговечными. Только отдельные бедняки решались, — точнее, были вынуждены — испробовать этот материал, преимущественно на юго-востоке страны, где несколько теплее и суше.

Не получило развития и каменное строительство. Дикого камня в Эстонии очень много. Повсюду есть гранит (валуны), на северо-западе, кроме того, — плитняк. Однако для строительства жилых домов дикий камень не очень удобен, кирпич же нужно было покупать. К тому же в то время плотничать в Эстонии умели почти все без исключения крестьяне, а каменщиков нужно было приглашать со стороны, что обходилось значительно дороже. Поэтому каменных домов в Эстонии, несмотря на льготные кредиты, строили немного, и исключительно кулаки.

Дикий камень в XX в. стали значительно шире использовать для хозяйственных построек. Иногда хлева и конюшни делали целиком каменными, иногда — только до половины, что давало значительную экономию, так как в деревянных хлевах нижние венцы гнивали очень быстро и требовали замены. На постройку шли валуны, которые раскалывали (взрывали порохом) и соединяли известковым раствором. Но хотя каменные и каменно-деревянные хозяйственные постройки для скота были распространены довольно широко, преобладали все же срубные. По данным переписи 1939 г. насчитывалось построек для скота: 69 498 срубных, 24 854 каменных и 11 680 из смешанных материалов. Каменные постройки оставались все же признаком состоятельности: в кулацких дворах они преобладали (кирпичные, гранитные, из пустотелого бетона); в середняцких хозяйствах имелись одна-две каменных или наполовину каменных постройки; у бедняков они встречались редко.

Несколько слов о форме и материале кровель. В настоящее время в Эстонии распространены три формы крыши: четырехскатная (вальмовая), двускатная и с полускатами (полувальмовая).

Четырехскатная форма — наиболее старая, характерная для соломенных крыш. С переходом к другому кровельному материалу и началом использования чердачного помещения вальмовая крыша стала исчезать. Сейчас она встречается не часто и главным образом на хозяйственных постройках.

Полувальмовая крыша, т. е. такая, где над торцовыми стенами дома имеются небольшие скаты — козырьки, распространена в Эстонии довольно широко (примерно половина от общего числа кровель — полувальмовые).

Двускатная крыша — самая поздняя: она появилась только в XIX в., хотя на некоторых небольших постройках (банях, летних кухнях) встречалась и раньше.

Основным кровельным материалом в настоящее время служит щепа. По данным 1939 г., щепой крыто более половины всех построек, и с течением времени она все более вытесняет солому. Соломенные крыши сохранились лишь в тех районах Эстонии, которые ранее были наиболее бедными и отсталыми, в основном — на побережье и островах. Часто встречается не солома, а тростник — более прочный и, главное, дешевый материал. Черепица и железо для покрытия употреблялись сравнительно редко, так как это был дорогой материал, и пользовались им главным образом кулаки.

В табл. 4 приведены некоторые данные переписи 1939 г. о количестве домов, крытых тем или иным материалом.

Разнообразны также материал и конструкция полов. До середины XIX в. полы в ригах были или глинобитные, или земляные, или выложенные из плитняка; дощатые полы настлали только в каморах и то не всегда. Сейчас в жилых комнатах полы почти без исключения дощатые. В домах зажиточных крестьян полы обычно на «переводах», часто кра-

щенные. Во многих домах доски настланы прямо на землю, а в бедняцких домах и батрацких половинах еще совсем недавно были земляные полы, или же досками была покрыта только часть комнаты. В тех районах, где принято было покрывать пол плитняком, теперь очень часто кухню заливают цементом; встречаются цементированные и выложенные кирпичом полы и в других районах.

Потолки в новых домах — дощатые, иногда из досок, пригнанных вплотную, иногда — вразбежку. В старых домах потолки обычно сделаны из обтесанных бревен или плах. Сверху потолки утепляют кострикой и землей. Окна преобладают с рамной коробкой, с двустворчатыми навесными рамами. Обычно переплет делит окно на 6 квадратов с отношением высоты к ширине 3 : 2, общей шириной в 75—80 см. Встречаются окна и в 9 квадратов, шириной в 105—120 см. Ставни редки, наличники обычны, но не украшаются.

Таблица 4

Кровельный материал

Постройки	Щепа	Солома	Черепица и другие материалы
Жилые дома	71 512	51 126	7 164
Помещения для скота . . .	66 824	59 518	4 886

В домах бывших бедняков, бобылей и безземельных можно и сейчас найти окна более примитивной конструкции. Эти окна обычно невелики, состоят из 4 или 6 небольших стекол (общим размером 60 × 60 или 60 × 40 см), вставленных в тонкую раму. Иногда рама целиком вращается на петлях, иногда наглухо прикреплена к проему; рамной коробки в таких случаях, как правило, не бывает.

Двери сейчас распространены на навесных петлях. Встречаются как одностворчатые (80—90 см ширины), так и двустворчатые (130—140 см). Установить границы распространения тех и других не представляется возможным. Высота двери — 180—170 см. Полотна дверей — дощатые, однослойные; в домах побогаче и поновее встречаются и филенчатые. В старых постройках двери укреплялись на столбах, поставленных по обе стороны проема. Такие двери обычно ниже 120—150 см и имеют очень высокий порог — 30—40 см. Чаще всего их можно встретить в старых ригах.

* * *

Итак, почти половина современных жилых домов в эстонской деревне построена более чем полвека назад. За этот срок в жизни эстонского крестьянства произошли значительные перемены, отразившиеся и на характере жилища. Локальные типы жилищ, характерные для феодального времени, постепенно исчезали; на первый план выступали различия, порожденные расслоением крестьянства. Наряду с традиционной жилой ригой появились дома «городского» типа, стоящие отдельно от построек хозяйственного назначения. Такие дома постепенно получали все большее распространение. Традиционный тип жилища также претерпел значительные изменения, главным образом в отношении использования риги. В связи с классовой дифференциацией крестьянства резко обозначилась разница между жилищем бедноты и зажиточных слоев деревни. Все это привело к тому, что эстонское крестьянское жилище в буржуазный период представляло собой весьма пеструю картину как по своему возрасту, так и по типам, размерам, благоустройству и материалам, применявшимся при постройках.